

НАЦИОНАЛИЗМ И ЛИТЕРАТУРА

Борис Ихлов

Тема патриотической литературы по-разному звучит на разных регистрах, однако из партитуры сакрализации империи и императора вырваны огромные фрагменты. Постараемся их восполнить, для чего используем многочисленные справки различных авторов, данные в интернете.

Казалось бы, у России и Запада - огромная разница в культуре, будто Русь от Европы отделяет тысячелетие. Именно так и представляет историю Руси преподаватель пермского классического университета В. М. Раков. Москва - деревянная, Европа - каменная. Разница в церквях - гигантская.

Историк и археолог Б. А. Рыбаков, наоборот, рассматривая возможности инфильтрации славян далее на юг, полагает, что русским больше 2000 лет, он их нашел при раскопках в Крыму, среди аланов. Аланы - крупное сарматское объединение племен.

Свидетельства о движении славян в область Дона, к Северному Кавказу датируются III в. На востоке славяне достигали среднего Поднепровья. Таким образом, вполне возможно присутствие славян в аланской среде. Языковые контакты славянского и иранских языков - очевидны.

Небольшое количество упоминаний славян в античных источниках говорит только об отсутствии пограничных контактов. Балтов они тоже не знали. В описании Германии Птолемея - славяне, скорее всего, упоминались под именем венедов (хотя этот этноним был характерен и для келтов и даже для италиков).

Этноним «росы» известен только с VII века, он возник по мере образования новых этнонимов. Более древние племенные названия - сербы, хорваты (III в.). В VI веке происходили наиболее значительные миграции славян на юг и восток, которые и получила отражение у летописцев (А. А. Воронков, см. также В. П. Кобычев. "В поисках прародины славян", Наука. 1973 <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000115/st010.shtml>).

По языковым заимствованиям видно, что славяне пересекались со скифо-сарматскими племенами в начале I тыс. Часть славян, возможно, перемещалась в область Дона в III веке, затем вернулась на запад. Нет и большой разницы с Европой и в культуре. Предпочтение дерева камню обусловлено доступностью материала. В Скифии уже в V в. до н.э. существовал деревянный город (Шиловское городище). На Руси продолжили традицию деревянного зодчества.

В Европе леса были вырублены, в Средиземноморье – предпочтительнее имеющийся в изобилии легко поддающийся обработке камень.

Каменное зодчество на Руси и в Германии началось одновременно.

Германцы заимствовали технику каменного строительства у римлян, на Руси работали мастера из Византии, во Владимирском княжестве чувствовалось германское влияние. После упадка, вызванного татаро-монгольским нашествием, Фьораванти, Солари и др. восстановили искусство каменного строительства на Руси, причем Фьораванти не строил по итальянскому образцу, он ездил изучать Владимирский собор.

Единство восточных славян и Европы – и в древних культах.

Например, немецкие монахи в своих записях отмечали Проне - Перуна, славянского бога грома и войны.

Современные городки Проне в восточной Германии на картах XIII в. носят название Перун и Перунсдорф.

Перуну была посвящена в Старгарде, выходцы из которого основали Новгород, священная дубрава - дуб был священным деревом Перуна и на Руси.

Праславянская языковая группа мигрировала в областях между Дунаем и Вислой, она входила в одну диалектную общность с прото-германцами и прото-балтами. Сначала произошло отделение германской ветви, значительно позже исчезла общность с балтами, однако современный литовский сохранил сходство с праславянским (А. А. Воронков).

В русском языке много заимствований из санскрита, эо, два, три, чатур и т.д. Например, А. К. Толстой упоминает Аркону, от санскритского Arkati – молиться. В «Слове о полку Игореве» Ярославна плачет, аркучи (молясь), Аркона – мольбище. Располагалось на северо-западном мысе острова Рюген (слав. Руян, Буян), разрушено германскими завоевателями в 1168 году.

Прослеживаются аналогии и в религиозных мифах, совпадают также гаплогруппы R1a у русских и брахманов. Тем не менее, и от Древней Индии, и от Древней Греции, от Трои, о значении которой спорят до сих пор, а это XIII—XII вв. до н.э., Русь отделена тысячелетием. Недаром римляне называли германцев, кельтов, готов, фракийцев – варварами. С ними римляне объединяли и славян.

Следовательно, версия, согласно которой отсталые русские племена пригласили на царствование представителей более развитых шведских «варваров», не выдерживает критики.

«Норманнскую теорию» выдвинул шведский король Юхан III - в переписке с Иваном Грозным. Ее развили шведские дипломаты и историографы XVII века, Петр Петрей де Ерлезунда, Юхан Видекинд, Олаф Далин. Против этой теории выступал Ломоносов, который утверждал, что Рюрик был родом из полабских славян, связанных с ильменскими славянами, таким образом, одни славяне позвали на княжение других славян. В XVIII в. В. Н. Татищев пытался найти компромисс, возник Гостомысл, упоминаемый А. К. Толстым в «Истории государства российского». Согласно версии Рюрик был норманнским князем, правившим в Финляндии, но его мать была дочерью славянского старейшины ильменских славян Гостомысла, умершего около 860 г.

Норманнскую версию проповедовал Карамзин, ему оппонировал С. М. Соловьев, но от норманнской версии не отказался.

Норманист С. А. Гедеонов (1816–1878), почетный член императорской Санкт-Петербургской Академии наук, издал, тем не менее, двухтомный труд «Варяги и Русь», фактически опровергающий его же норманнскую версию. Ему следовали другие норманисты, М. П. Погодин, Забелин, Гильфердинг.

Чешский исследователь Шафарик попытался славянизировать этноним «ободриты» до «бодричи». Есть версия, что другим именем этого племенного союза было «рерики» - соколы, из ободритов был и Рюрик-Сокол, основатель первого русского княжеского рода, правившего Русью вплоть до XVI в. К ободритам относилось в узком смысле слово «варяги» в русских летописях - кроме собственно ободритов-рериков, живших на побережье от Любекского залива и Ратиборского озера до низовьев Варны, где находилась их крепость Верле. На юге они не переходили реку Эльду. Главные города: Великий или Велеград (совр. Мекленбург), Зверин (совр. Шверин), и Вышемир (совр. Висмар). Кроме них в союз входили варны или варнабы (они же варины, веринги, варяги), жившие к востоку от собственно ободритов на реке Варне. На западе обитали вагры, занимавшие большую часть Голштинии, а также остров Эльмсгорн, суслы и плуни. Главным городом вагров считался Старгард-Рерик (совр. Альденбург). Рядом с ваграми жили входившие в ободритский союз полабы (от реки Эльбы-Лабы), смельдинги у устья Эльды, ветничы, минтги и древане.

Последователи Ломоносова - Гидеонова при Сталине были преданы забвению. Не потому, что русофобия – на пьедестал подымали классового врага, царя. Ивана Грозного, но не могли подымать на пьедестал былинных героев, которые свободно ассоциировались с репрессированными героями Гражданской войны. Вплоть до 80-х советские школьные учебники ограничивали историю славян, населявших Русь, VIII веком.

В наши дни поэму взяли на вооружение монархисты, националисты, почитатели славянского язычества, а также те, кто в духе современных украинских «историков» продлевает существование нации до времен расхождения кроманьонцев и неандертальцев.

Русская поэзия

Алексей Константинович Толстой был знаком с Пушкиным, Жуковским, которые ценили его творчество, но... стоял особняком.

Судьба – судьба обычна для России. Александр II произвел его в полковники, пожаловал орден Святого Станислава 2-й степени. Затем – с головой ушел в литературу, разорился, избрали членом-корреспондентом Петербургской академии наук по отделению русского языка и словесности – но поздно. Долго болел и после слишком большой дозы морфия – скончался. В бедности. «История государства Российского» будет напечатана только после его смерти.

В балладе «Боривой» А. К. Толстой, как многие считают, следует Ломоносову. А самом деле - напротив, он принимал норманнскую версию. Но с оговоркой, разворачивающей ее на 180 градусов: «Скандинавы,— писал он,— не установили, а нашли вече уже совсем установленным. Их заслуга в том, что они его подтвердили, тогда как отвратительная Москва уничтожила его... Не было надобности уничтожать свободу, чтобы покорить татар. Не стоило уничтожать менее сильный деспотизм, чтобы заместить его более сильным». Или в другом письме: «Моя ненависть к московскому периоду... это не тенденция — это я сам. Откуда взяли, что мы антиподы Европы?»

Толстой - прекрасно знаком с Европой, писал стихи на французском, однако не западник.

Несмотря на поэму «Князь Серебряный», первую часть драматической трилогии «Смерть Иоанна Грозного», которые Толстой читал императрице - он явно не монархист, не державник, не имперец, ненавидел гнет, «самодержавную тиранию» (Л. М. Лотман), засилье бюрократии, чего стоит только его сатира – «История государство Российского от Гостомысла до Тимашева», «Сон Попова» или совместный с двоюродными братьями Жемчужниковыми «Козьма Прутков».

И в продолжениях - «Царь Фёдор Иоаннович», «Царь Борис» - осуждение деспотии.

В 1951 году после премьеры его пьесы «Фантазия» на сцене Александринского театра Николай I запрещает ее дальнейший показ. В 1852 году Толстой успешно хлопочет о смягчении участи И. С. Тургенева, арестованного за статью в память о Гоголе.

Однако демократом не был, противопоставляя революционерам – будто бы - славянофильство: «Конь мой, конь, славянский конь, дикий, непокорный...» В тот же ряд нужно отнести и другие поэмы такого же характера: «Алеша Попович», «Илья Муромец» и др.

Но и славянофилом не был: в пьесе «Царь Борис» Годунов вызывает у него симпатию, он представляет Бориса не просто талантливым честолюбцем, но выдающимся политиком, западником, предшественником Петра I, стремившимся вернуть Россию, оторванную вследствие татаро-монгольского ига, в Европу. В феврале 1869 г. в переписке он спрашивает: «И откуда это взяли, что мы антиподы Европы? Над нами пробежало облако, облако монгольское, но было это всего лишь облако, и пусть чёрт его умчит как можно скорее...» (Новиков В. И., Драматическая трилогия. М., Молодая гвардия, 2011, ЖЗЛ, Алексей Константинович Толстой. Драматическая трилогия. 288 с.)

Либеральный демократ? Еще чего не хватало, в поэме о Потоке-богатыре Толстой живописует либерализм:
... Он отца отравил, пару теток убил,
Взял подлогом чужое именье
Да двух братьев и трех дочерей задушил —
Ожидают присяжных решенья.
И присяжные входят с довольным лицом:
«Хоть убил, — говорят, — не виновен ни в чем!»
Тут платками им слева и справа
Машут барыни с криками: браво!

Толстой был враждебен не только высшей царской бюрократии, но и всей политической деятельности самодержавной власти, чуждой, по его мнению, истинным интересам страны. Но именно это сделало его почти реакционером: он отнесся отрицательно и к реформам 60-х годов, которые считал плодом непродуманных начинаний верхов, не отвечающих нуждам общества. В 1861 г. он написал язвительное сатирическое стихотворение «Государь ты наш батюшка...», по форме отрицающее реформы Петра I, направленное против реформ Александра II. Петр «варит кашу» из «заморской крупы» и мешает ее «палкою»; каша выйдет «крутенька» и «солоня», а «расхлебывать» ее придется «детушкам», т. е. последующим поколениям. Тем самым поэт осудил, как и славянофилы, и реформы Петра (Г. Н. Пospelов. "История русской литературы XIX века" Издательство "Высшая школа", Москва, 1972 г.).

Однако отношение к Петру I у Толстого неоднозначно: в конце 60-х он писал Стасюлевичу: «Петр I, несмотря на его палку, был более русский», чем славянофилы, «потому что он был ближе к дотатарскому периоду...» (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, Т. 2. СПб, 1912, С. 339).

Как и славянофилы, Толстой был противником развивающихся в России буржуазных отношений, искал собственный общественный идеал в историческом прошлом. Но не признавал, что Россия имеет какой-то особый, самобытный уклад национальной жизни, отличающий ее от стран Запада и основанной на стихийном нравственном подчинении личности интересам сословия, а сословия — интересам всего общества. «Я объявляю себя ... их противником, — писал он, — как только они нападают на европеизм и когда они сопоставляют свою проклятую общину — принципу индивидуальности, — единственному принципу, в лоне которого может развиваться цивилизация вообще и искусство в особенности» (Толстой А. К. Полн. собр. соч., т. 4, С. 230).

Как и Мандевиль, Толстой видит первородные грехи буржуазности, как и Екатерина Дашкова – негатив реформ Петра, видит и половинчатость и отрицательные стороны реформ Александра, не сумевшего решить крестьянский вопрос. Он стал зеркалом реформ Александра, но еще более противоречивым, чем Лев Толстой. Вместе с водой он выплескивал и ребенка, вместе с негативом отвергал революционное начало.

Почему? Да, в поэме о былинном Потоке-богатыре Толстой явно не в теме, путает анархиста, примитивного нигилиста с марксистом, да еще называет его патриотом:

Там какой-то аптекарь, не то патриот,
Пред толпою ученье проводит:
Что, мол, нету души, а одна только плоть
И что если и впрямь существует Господь,
То он только есть вид кислорода,
Вся же суть в безначалье народа.

В то же время Толстой точно улавливает бестолковую абстрактность идеологии иных революционеров:
И, увидя Потока, к нему свысока
Патриот обратился сурово:
«Говори, уважаешь ли ты мужика?»

Но Поток вопрошает: «Какого?»
«Мужика вообще, что смиреньем велик!»
Но Поток говорит: «Есть мужик и мужик:
Если он не пропьет урожаю,
Я тогда мужика уважаю!»
«Феодал!— закричал на него патриот,—
Знай, что только в народе спасенье!»
Но Поток говорит: «Я ведь тоже народ,
Так за что ж для меня исключенье?»
Но к нему патриот: «Ты народ, да не тот!
Править Русью призван только черный народ!
То по старой системе всяк равен,
А по нашей лишь он полноправен!»

Псевдореволюционеров Толстой рисует следующим образом:
Все острижены вокруг, в сюртуках и в очках,
Собралися красавицы кучей.
Про какие-то женские споря права,
Совершают они, засуча рукава,
Пресловутое общее дело:
Потрошат чье-то мертвое тело.

Общее дело - в публицистике и разговорном языке 60-х годов XIX века так обозначали революцию.

И Герцен насмехается над нелепыми людишками, корчащими из себя революционеров. И Маркс пишет об идиотизме деревенской жизни, и Ленин пишет о «плохо орабоченном» русском рабочем. Но Толстой – вместе с водой выплескивает и ребенка.

В романе «Князь Серебряный» повествуется о благородном воеводе, который по возвращении с Ливонской войны столкнулся с бесчинствующими опричниками и понял, что в русском государстве творится что-то неладное, в том числе при дворе Ивана Грозного в Александровской слободе. Но сохраняет верность государю!

Отвергает деспотизм, Иван Грозный в «Князе Серебряном» - изверг, но сочувствует - боярской «оппозиции»! И тут же:

И все подъяли кубки. Не поднял лишь один;
Один не поднял кубка, Михайло князь Репнин.
«О царь! Забыл ты Бога, свой сан ты, царь, забыл!
Опричниной на горе престол свой окружил! ...
Тут встал и поднял кубок Репнин, правдивый князь:
«Опричнина да сгинет!— он рек, перекрестясь.—
Да здравствует во веки наш православный царь!
Да правит человеки, как правил ими встарь!
(«Князь Михайло Репнин»)

Не может Толстой писать о восстании князя против царя – довольно и обличения тирании. И вера в царя батюшку, и мягкотелость патриархальной деревни...

«И противоречия во взглядах Толстого надо оценивать не с точки зрения современного рабочего движения и современного социализма (такая оценка, разумеется, необходима, но она недостаточна), а с точки зрения того протеста против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеления масс...» Пишет Ленин о Льве Толстом.

Потому в «Боривое» крестоносцы пренебрежительны к славянам, они боятся лишь героя, побеждают не славяне, побеждает Боривой.

Ни один русский марксист, если он действительно марксист, не отождествляет победу СССР над гитлеровской Германией и Сталина.

Период Новгородско-киевской Руси до татаро-монгольского нашествия Толстой считал временем наибольшего расцвета гражданской независимости, нравственной свободы, воинской доблести. Будто не было деспотической власти, казней посажением на кол, крещения огнем и мечом, зверского истребления древлян войском княгини Ольги и т.д.

Удельно-княжеские отношения им идеализировались, хотя русские князья, сговариваясь с татаро-монгольским захватчиками, помогали им уничтожать других русских князей. В Московской Руси он видел оскудение аристократически-вечевых, возникновение царского деспотизма (Г. Н. Пospelов).

Потому и общине, и монархическому деспотизму, и народному восстанию Толстой в поэме «Поток-Богатырь» противопоставляет вече:
Много разных бывает на свете чудес!
Я не знаю, что значит какой-то прогресс,
Но до здравого русского веча
Вам еще, государи, далече!

Поскольку никакого веча на дворе нет, Поток засыпает еще на двести лет, а с ним и Толстой отказывается от попыток решать общественные вопросы. Понимаете, Толстой отвергает даже попытку решения этих вопросов в одиночку и даже малой социальной группой!
Но как быть тем, кто не может заснуть на 200 лет?

Боривой

Поэма «Боривой» посвящена событиям 1147 года, когда балтийские славяне, ободриты, поморяне, и жители острова Руян (Рюген), русы, выступили крестоносцев.

В те же годы происходят события, описываемые в «Слове о полку Игореве» - о неудачном походе русских князей на половцев, предпринятый новгород-северским князем Игорем Святославичем в 1185 году, с упоминанием княжеских междоусобиц, походов и удачных битв, начиная с древнейших времен.

«Слово о полку Игореве» написано буквально сразу же после похода русских князей. В те же годы написана и «Песнь о Роланде», хотя соотносится она с гибелью в битве в Ронсевальском ущелье арьберггардного отряда войска Карла Великого, возвращавшегося в августе 778 года из завоевательного похода в Испанию. В поэме противниками франков представлены сарадины (мавры, арабы), хотя на самом деле отряд Роланда погиб в сражении с басками.

В двух баталиях – поражение, гибель или пленение героя, у Толстого – победа. Однако переключка поэмы Толстого с «Песнью о Роланде» - очевидна. Как и противопоставление.

С язычеством русская православная церковь воевала веками, но так и не смогла искоренить рождественскую традицию с Дедом Морозом и Снегурочкой. Толстой широко рассыпает по тексту имена Святобога, бога богов Поморья, Чернобога (не дьявола, но участника сонма богов, как Шива), Перуна, Ретру (или Радигощ), одну из главных святынь западных славян, наряду с Арконой. В 1068 году храм был уничтожен епископом Бурхардом из Гальберштадта, потом отстроен, и вновь, уже окончательно разрушен в 1127 году.

Упоминает Толстой и древние славянские города – Дубовик, город-порт на Адриатическом море, который Велемир Хлебников называл славянской Венецией, Волын, торговый город поморян в устье Одера.

Итак, крестоносцы собираются напасть на славян.

В войске крестоносцев, как и в «Песне о Роланде» - священник, епископ. Посмотрите, как Толстой описывает мотивировку, призванную облагородить массовое убийство:

К делу церкви сердцем рьяный,
Папа шлет в Роскильду слово,
И поход на бодричаны
Проповедует крестовый:

«Встаньте! Вас теснят не в меру
те язычники лихие,
подымайте стяг за веру –
отпускаю вам грехи я! ...

Говорит епископ Эрик:
«С нами бог! Склонил к нам папа
Преподобного Егорья –
Разгромим теперь с нахрапа
Все славянское Поморье!».

Далее идет перечисление участников будущей битвы – восходящее к описанию Гомера 1186 греческих судов в походе на Троя, к перечислению воинов обеих сторон в «Песне о Роланде».

При таком раскладе – отчего не вырезать славян? Однако, оказывается, все они боятся славянского Геракла – Боривоя. Всех успокаивает крестоносец Кнут, якобы Боривой занят, он «бьется с немцем у Арконы». Толстой использует в поэме этноним «немцы», которого не было в ту эпоху, оно появляется лишь во времена Петра. Немцами звали всех иностранных поселенцев в России, они не говорили по-русски, оттого – немые, немцы. Позднее поименование закрепилось за германцами.

Судьба немилостива к завоевателям, Боривой успевает разбить немца и подойти к месту сражения:

И внезапно, где играют
Всплески белые приборя,
Из-за мыса выбегают
Волнорезы Боривоя!

Расписными парусами
Море синее покрыто,
Развилось по ветру знамя
Из божницы Святовита,

После недолгой схватки крестоносцы бегут, Боривой им обещает:

«Утекай, клобучье племя! –
Боривой кричит вдогоню –
Вам вздохнуть не давши время,
Скоро сам я буду в дони!

То есть, в Дании.

К вам средь моря иль средь суши
Проложу себе дорогу
И заране ваши души
Обрекаю Чернобогу!»

Действительно, в 1152 году славяне–ободриты, поморяне и русы с Рюгена атаковали Данию, и, мстя за крестовый поход, прошли ее «огнем и мечом».

Политический момент

Когда речь заходит о «славе оружия», вспоминается боевой клич одного из племен островов Полинезии:

- Мы сильны?

- Да!

- Мы храбры?

- Да!

- Наши враги слабы?

- Мы их убьем?

- Да!

- Мы их съедим?

- Да!

Что здесь важно? И в «Слове о полку Игореве», и в «Боривое» речь идет не о завоеваниях, не о расширении территории государства, а об оборонительной войне – против набегов половцев, против нашествий крестоносцев.

К 80-м годам XX века троцкистский IV Интернационал, распавшись на множество мелких образований, деградировал и начал обслуживать спецслужбы различных государств или напрямую интересы этих государств. Но еще до 2-й мировой в нем произошел крупный раскол – из него выделилась часть, идеологией которой стала теория Мясникова (и всей «Рабочей оппозиции») госкапитализма в СССР.

Поскольку в июне 1941-го, рассуждали представители этой части сошлись две капиталистические державы, нельзя отдавать предпочтение какой-либо из воюющих сторон. Такие раскольники, как Отто Рюле, Рая Дунаевская, Тони Клифф не просто выступили против империалистической войны, против СССР и Германии одновременно, но даже поддержали Германию, поддержали Бандеру и Власова.

Хотя, по идее, последователи Троцкого должны были бы знать разъяснение Ленина: между капиталистическими странами могут быть разные войны: захватнические и освободительные, марксисты должны поддерживать освободительные войны.

Царская Россия – монархия, жандарм Европы, но Кутузов – это слава русского оружия в освободительной войне. Потому французские марксисты, гордящиеся Наполеоном – не марксисты. Ибо они подобны немцам, гордящимся Гитлером – на том основании, что Гитлер был государственным, имперцем, строил заводы, избавил страну от безработицы, поднял жизненный уровень населения, расширил территорию Германии.

Суворов – что он делал в Альпах в сентябре 1799 года?

К концу августа 1799 года в результате Итальянского похода Суворова и Средиземноморского похода Ушакова почти вся Италия была освобождена от французских войск.

В сентябре началась совместная русско-австрийская военная операция с целью разгрома и изгнания французских революционных войск под командованием генерала Андре Массены из Гельветической республики. До Наполеона! Операция была неудачной, Суворов отступил, русская армия потеряла 5000 человек.

Несчастные порабощенные итальянцы, спасибо русским? Нет, не спасибо, Павел I вместе с Суворовым зря уничтожили 5000 русских жизней. «В течение целых столетий Северная Италия, еще в большей мере, чем Бельгия, являлась полем сражения, на котором велись войны между французами и немцами», - отмечает Энгельс (Соч., Т. 13, С. 239). Россия выступила против одних захватчиков на стороне других захватчиков.

Суворов поучаствовал, хоть и немного, в подавлении восстания Пугачева. Да, Пугачев – мягко говоря, далек от идеала. Но это было народное восстание, после него подняли зарплату на заводах Урала. Уде после того, как Пугачев был пленен, Суворов до весны 1775 года занимался подавлением остатков восставших крестьян.

В 1782-м, защищая захваченные у Турции территории от неблагонадёжного населения, русское правительство приняло решение о депортации ногайцев, кочевавших на Кубани, в Саратовское и Тамбовское наместничества и за Урал. В ответ ногайцы летом 1783 года подняли восстание. На его подавление был направлен Суворов во главе Кубанского корпуса. 1.10.1783 русские войска разгромили повстанцев, у которых не было артиллерии, было истреблено от 5 до 7 тысяч ногайцев.

В 1794-м, сопротивляясь третьему разделу Польши, поляки во главе с Т. Костюшко подняли восстание. Это были отнюдь не шляхтичи, о которых пишет Ю. Мухин. Восставшим удалось создать регулярную армию и временно установить контроль над большей частью прежней Польши. Восстание подавляли совместно армии трёх держав, разделивших Польшу – России, Пруссии и Австрии, но основная задача по взятию Варшавы выпала на долю русской армии. Ею, под главным начальством П.А. Румянцева, командовал Суворов, который выступил в поход с новой границы России на Днестре в августе 1794 г. В сентябре он достиг нынешней Западной Белоруссии, с ходу взяв ряд городов, 8 сентября разгромил польский корпус под стенами Брест-Литовска и занял крепость. 29 сентября основные силы армии Костюшко, не решившегося выступить против Суворова, были разгромлены дивизией генерала Ферзена, сам Костюшко взят в плен.

Не забудем и то, что 7 октября 1812 года по просьбе княгини Хованской, Кутузов отправил отряд войск для «усмирения мужиков» в её имении. 9 ноября он сделал то же самое по просьбе другого помещика в селе Романове Смоленской губернии. 19 октября он отдал предписание исправнику Боровского уезда «наказать бунтовщиков» (ранее войсками усмирённых) «по всей строгости закона».

Такие полицейские функции были вовсе необязательны для Кутузова как главнокомандующего регулярной армией. Очевидно, фельдмаршал, в силу классовой солидарности, не мог отказать помещикам и царским администраторам в соответствующих просьбах.

Да, Суворов «по-отечески» относился к рядовым солдатам, но российские марксисты, гордящиеся Суворовым или Петром I – не марксисты.

В период правления Сталина из имени генералиссимуса создали миф, которому КПСС следовала вплоть до перестройки, а сталинисты следуют по сей день. Так, О. Михайлов приспособил для пропаганды мифа и классиков марксизма, он указывает: Энгельс писал, что Швейцарский поход, проведённый под руководством А. В. Суворова, «был самым выдающимся из всех совершённых до того времени альпийских переходов» (Суворов. М., 1980. С.451).

На самом деле Энгельс, конечно. Не писал: поход од руководством Суворова, он даже не писал «под чутким партийным руководством», сталинистом Энгельс не был. Полная цитата: «Этот переход был самым выдающимся из всех совершенных до того времени альпийских переходов» (Соч., Т. 13, С. 243). Михайлов же связал в одно предложение и руководство Суворова, и оценку Энгельса.

Кстати, с 2005 года Свято-Тихоновским гуманитарным университетом ведется работа по сбору материалов для передачи вопроса о канонизации А. В. Суворова на рассмотрение в Синодальную Комиссию по канонизации.

Энгельс лишь отмечал достижения тех или иных полководцев в развитии искусства убивать, он писал и о выдающемся «вкладе» Наполеона, но тут же – о ненависти народа Пруссии к захватчику Наполеону (Маркс К., Энгельс Ф., Соч., Т. 14, С. 30), и выступал против культа личности полководцев (Соч., Т. 14, С. 195). Хотя пацифистом Энгельс не был, он поддерживал революционные и национально-освободительные войны.

ВКПб-КПСС, поднимающая на знамя Суворова и Петра I, в том числе поэтому никакого отношения к марксизму-ленинизму не имела, классовый подход игнорировала. Сталинист, активист РКП с псевдонимом Аккуратов, написал мне, что Петр I-й не мог быть классовым врагом, потому что рабочего класса еще не было, и вообще в оценке великих личностей нужно использовать метод историзма. «Метод» бессодержателен: все события рассматривать во взаимосвязях и т.п. Но активист РКП посрамил Маркса, тот-то, наивный, утверждал, что ВСЯ история человечества - это история классовой борьбы.

В русской литературе – почти не отмечен, правда, в 1915 году в невзрачном стихотворении Суворов» слепил из полководца эдакого бедняка из простонародья: «сапоги со сбитыми каблуками. В сморщенных ушах желтели грязные ватки...» Еще можно привести биографическую книгу Е. Мюллера «Юность знаменитых людей. 2-й вечер: Суворов» (Спб., "Общественная польза", 1870).

В советской литературе художественный образ Суворова появляется лишь в конце 30-х.

Как мы помним, в многосерийной телепередаче «Суд времени» Сергей Кургинян восхваляет захватнические походы Ивана Грозного, расширившие территорию государства.

«... вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения холуй и хам».

Русские марксисты, если они действительно марксисты, гордятся победой Рабоче-крестьянской Красной армии, рабочего класса, инженеров, хлеборобов, врачей, честных коммунистов – над гитлеровской Германией. И эта победа, и эта гордость вызывают животную ненависть всего капиталистического мира. И эту победу, и эту гордость желают приватизировать те, кто к ней не имеет равным счетом никакого отношения: правящая партия РФ, президент РФ, артистическая публика, вся современная российская элита.

Истоки ненависти – не только в холодной войне, которая возобновилась в виду того, что после распада СССР труд и капитал в мире столкнулись лицом к лицу, без посредников с одной стороны, с другой – резко обострилась конкуренция между ЕС и США, между долларом и евро; поэтому Вашингтону потребовалось реанимировать образ внешнего врага - консолидирующий и нацию, и конкурирующие нации. Главный источник – фашизм, являющийся закономерным моментом развития капитализма.

Проявления фашизма – не только в прежнем джингоизме или современном чувстве превосходства американской нации, но и в украинском фашизме, определяющем русскую нацию как низшую расу, и в израильском нацизме, ставящем евреев выше не столько арабов, сколько выше русских. Нацизму в пропаганде превосходства нации необходим простор, он отбрасывает мешающуюся память и о Бабьем Яре, и даже об Освенциме. Потому Израиль поддержал бандеровский майдан-2014, в том числе участием ЦАХАЛ и МОССАД, майдан-2014 поддержал и украинский еврейский бизнес, раввин Симферопольский призвал НАТО нанести ядерный удар по России, посол Израиля в Киеве приглашал к себе главу украинских бандеровцев Яроша, бандеровские боевики, получившие ранения в АТО, лечились в израильских больницах.

Русские националистические организации (ДПНИ, осколки РНЕ типа Славянского Союза и др.) – мелки, опекаемы властями. Апелляции к абстрактной нации, якобы не поделенной на антагонистические классы богатых русских и бедных русских, обращены в пустоту: российская буржуазия, призванная представлять нацию, еще не вызрела из класса-в-себе в класс-для-себя, с проявленными едиными интересами, для реализации которых требуется государство, она, выйдя из недр КПСС, ВЛКСМ, ВЦСПС, КГБ и МВД, по-прежнему остается компрадорской. Российская буржуазия снабжает оружием и стратегическими товарами фашистские Киев и Вашингтон, ставит памятники коллаборационисту Валиди, воевавшим на стороне Гитлера казачьим атаманам Краснову и Шкуро, переименовывают улицы в честь Валиди, разрешает показ фильма «Идель-Урал», обеляющий татар, воевавших на стороне Гитлера, освобождает политическое пространство для школьных программ всепрощения гитлеровцев и стремления установить памятную табличку Маннергейму.

Безусловно, «патриотические» организации, подогретые экспансией США, используются властью для манипулирования массовым сознанием. В этом ей помогают разнообразные «светильники разума», помешавшиеся на Дажьбоге, Свароге и др., которые в духе панславизма трактуют и поэму «Боривой».

«Я полон презрения к своей нации, - говорил Пушкин, - но мне будет досадно, если иностранец разделит со мной это чувство».

Марксист тот, кто умеет пройти между Сциллой угождения потребителю (и власти) и Харибдой творческого нарциссизма, игнорирующего массы, абстрактной свободой слова и навязчивым подчинением искусства, жесткой партийностью или буржуазной масс-культурой, между Сциллой национализма, между представлением мужика абстрактным, и Харибдой принижения низов, генетически ли или не дотянувшихся до партии, либо неспособных вырваться за пределы экономической борьбы. Как говорил один пермский рабочий: «Не нужно рабочий класс на ходули ставить, но и в грязь мордой – тоже не стоит». И если массы не революционны, по выражению Спинозы, «нужно не плакать, не радоваться, а понимать».

«Мы помним, как полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский, отдавая свою жизнь делу революции, сказал: “жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы”. Откровенные и прикровенные рабы-великороссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах. А, по-нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения...» - писал Ленин в статье «О национальной гордости великороссов». Но мы полны гордости за русский рабочий класс, который начал свергать попа, помещика, царя, капиталиста. Свергнуть раввина, муфтия, ксендза, русского буржуа - вот чем надо гордиться! Понимание же таково, что остается констатировать: гордиться пока – нечем. И долго еще будет нечем, сколь ни бросай боевой клич. И если вырвет кто из своей груди пылающее сердце, чтобы осветить путь впереди – болото, хлюпнув, поглотит бедолагу.

Своего рода племенной боевой клич, «Песнь о Роланде», после Средних веков была надолго забыта и опубликована впервые в 1837 году. Через 33 года, словно в ответ, знатоком французской литературы будет написан «Боривой». В «Песне о Роланде» прославляется как раз захватническая война.

Песнь о Роланде

Сюжет: после успешного семилетнего похода в мавританскую Испанию император франков Карл Великий завоевывает все города сарацин, кроме Сарагосы, где правит царь Марсилиий. Мавры (язычники) отправляют к Карлу послов. Послы предлагают французам богатства и говорят, что Марсилиий готов стать вассалом Карла и принять христианство. На совете франков бретонский граф Роланд отвергает предложение, но его недруг граф Ганелон настаивает на другом решении и едет послом к Марсилию, замышляя погубить Роланда. Ганелон настраивает Марсилию против Роланда и советует напасть на арьергард армии Карла. Возвратившись в лагерь, изменник говорит, что Марсилиий согласен стать христианином и вассалом Карла. Роланда назначают начальником арьергарда, он берёт с собой только 20 тысяч человек. В результате предательства Ганелона отряд франков оказывается отрезанным от основного войска Карла, попадает в засаду в Ронсевальском ущелье и вступает в бой с превосходящими силами мавров.

Карл опаздывает с помощью, Роланд погибает от ран, погибают все 12 пэров. Войско Карла преследует противника и истребляет его. Затем судят Ганелона, предатель гибнет.

Историческая справка.

Карл I Великий - король франков с 768 г. (в южной части с 771 г.), король лангобардов с 774 г., герцог Баварии с 788 г., император Запада с 800 г. По имени Карла династия Пипинидов получила название Каролингов.

Мавры - исповедовавшие ислам берберы и африканские племена Северо-Западной Африки и Европы в период между VII и XVII вв. Этот термин применяется в отношении как арабов и берберов, которые завоевали Иберийский полуостров и поселились там в VIII веке, так и той части жителей завоеванных территорий (и их потомков), которые стали мусульманами.

В конце VII в. арабы, сделав своим опорным пунктом г. Кайруан на востоке современного Туниса, завоевали Северную Африку, к 709 г. дошли до Танжера и берегов Атлантики. В 711 году арабы и берберы во главе с Тариком ибн-Зиядом высадились на Пиренейском полуострове. Разгромив вестготов 19.7.711 у озера Ханда и одержав победу у Эсихи, арабские войска взяли Кордову, Толедо — столицу Вестготского королевства и другие города. Войско прибывшего в 712 г. из Северной Африки Мусы ибн Нусайра заняло Медину-Сидонию, Кармону, Севилью и Мериду.

К 718 г. Пиренейский полуостров, за исключением небольшой части на севере, перешёл в руки арабов. В 720 году они вторглись в Галлию, заняли Септиманию и Нарбонну. Дальнейшее их продвижение в Европу было остановлено после разгрома арабских войск франкской конницей и пехотой Карла Мартелла близ Пуатье 4.10.732. В 759-м Пипин Короткий выбил арабов из Нарбонны и Септимании.

На завоеванных испанских территориях арабы образовали эмират, входивший в состав халифата Омейядов; в 756-м Омейяды основали независимый Кордовский эмират, а в 929 году — Кордовский халифат. Местным светским и церковным землевладельцам, изъявившим покорность завоевателям, была оставлена часть принадлежавших им ранее земель вместе с крестьянами. Значительная часть земель перешла в руки новой земельной знати из среды завоевателей. Наиболее плодородные земли юга и юго-востока заняли сами арабы; в центральной и северной частях страны арабы расселили входившие в их войска многочисленные племена берберов.

Наибольшего могущества арабское государство достигло при Абдаррахмане III (правил в 912-961 гг.). Развитие феодальных отношений привело в конце X века к ослаблению центральной власти. В 1031-м Кордовский халифат распался на множество мелких эмиратов. Что и привело к его падению.

Центры сопротивления арабскому завоеванию возникли ещё в VIII в. на севере полуострова. Решающий этап Реконкисты начался после распада в 1031 Кордовского халифата. В 1085-м кастильцы взяли Толедо, ставший столицей Королевства Кастилии и Леона. Мелкие арабские государства, столкнувшись с этой угрозой, призвали на помощь Альморавидов из Северной Африки, которые, одержав победу в 1086-м при Салаке и приостановив ход Реконкисты, подчинили себе всю мусульманскую Испанию. Однако в 1118-м Арагон отвоевал у мавров

Сарагосу. К середине XIII века у мавров осталась лишь небольшая территория на юге - Гранадский эмират. На западе Реконкисту проводила Португалия (в 1095-1139 г. графство, номинально зависимое от Леона; с 1139 г. - королевство, в 1143-м признанное независимым и Леоном). В 1492 году Реконкиста завершилась взятием Гранады - последнего оплота мусульман на Пиренейском полуострове. Арабо-берберское население, оставшееся в Испании, насильственно обращалось в христианство. В 1492-м из Испании были изгнаны евреи, а в 1502 году — мавры, не принявшие христианства.

Реконкиста, т.е. отвоёвывание пиренейскими христианами, испанцами и португальцами, земель на Пиренейском полуострове, занятых маврскими эмиратами, началась сразу же после завоевания большей части Пиренейского полуострова арабами. Она шла с переменным успехом, что было связано с феодальными распрями, заставлявшими пиренейских христианских властителей сражаться друг с другом, а также со своими мятежными вассалами. Это в ряде случаев вынуждало христианских правителей заключать временные союзы с мусульманами. С другой стороны, раздоры существовали и среди арабских князей, которые в ходе борьбы за власть обращались за помощью к христианам.

Во время Крестовых походов борьба против мавров воспринималась как борьба за весь христианский мир. Для борьбы с маврами были созданы рыцарские ордены по образцу тамплиеров, Папство призывало европейских рыцарей к борьбе с сарацинами на Пиренейском полуострове.

Завершилась реконкиста в 1492-м, когда Фердинанд II Арагонский и Изабелла I Кастильская изгнали последнего мавританского властителя с Пиренейского полуострова. Они объединили большую часть Испании под своей властью, королевство Наварра было включено в состав Испании в 1512 г.

Как уже отмечалось выше, реальные события резко отличаются от изложенного в «Песне о Роланде».

Битва в Ронсевальском ущелье имела место между армией Карла Великого и войском басков.

В 777-м Карл принял мусульманского губернатора Сарагосы, прибывшего просить его о помощи в борьбе против эмира Кордовы Абд ар-Рахмана. Карл согласился, но в 778-м, оказавшись в Испании во главе огромной армии, потерпел неудачу под Сарагосой, где его предали вчерашние союзники. Тогда франки двинулись в Васконию, захватили и разрушили христианскую Памплону, что и вызвало гнев басков. На обратном пути, в Ронсевале, когда войско двигалось растянутым строем, как к тому вынуждали горные теснины, баски устроили засаду на вершинах скал и напали сверху на отряд, прикрывавший обоз, перебив всех до последнего человека. Рядом с командующим отрядом Роландом пали сенешаль Эггхард и граф двора Ансельм.

«Песнь о Роланде» - дань тенденции становления французского государства.

«Средневековье, - писал Энгельс, - развилось на совершенно примитивной основе. Оно стерло с лица земли древнюю цивилизацию, древнюю философию, политику и юриспруденцию, чтобы начать во всем с самого начала. Единственным, что оно заимствовало от погибшего древнего мира, было христианство и несколько полуразрушенных, утративших всю свою прежнюю цивилизацию городов» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 360).

Второй этап развития литературы Средневековья - VIII/IX—XIII/начало XIV столетия. Литературный подъем, связанный с переходом к Зрелому Средневековью, называют иногда «возрождением». Для этого есть некоторые основания: тогда как раз делались попытки возродить древние традиции. Но и только. За подобным местным «возрождением» нередко следовал новый упадок, литература не переживала подлинного переворота и обновления (Михайлов, ИВЛ, Т. 2. Предисловие).

«Песнь о Роланде» - древнейшее крупное произведение французской литературы периода позднего средневековья. В поэме - имперская мифология, воспоминания о каролингской эпохе, о норманнских походах в Эпир и Англию.

Карл император радостен и горд:
Взял Кордову он штурмом, башни снес,
Баллистами своими стены смел,
Рать оделил добычею большой -
Оружьем, золотом и серебром.
Язычников там нет ни одного:
Кто не убит в бою, тот окрещен. ...
Прекрасен станом, величав лицом.

То есть: отражение арабов конницей франков при Пуатье давно забыто, автор не помнит об этом и не об этом повествование. Карл гордится тем, что убил много людей, которые ему лично и народу Франции равным счетом ничего не сделали, а тех, кого не убил – поставил на колени. Это образчик нравственности той эпохи, причем освященный христианством.

Король умолк: он все сказал совету.
Но не одобрил граф Роланд той речи,
Поднялся с места. Карлу стал перечить.

Он говорит: "Марсилию не верьте.
Семь лет воюем мы в испанских землях.
Коммибль и Нопль добыл я вам в сраженьях,
Завоевал и Пину и Вальтерну,
Взял Балагет, Севилью и Туделу.

Семь лет французы убивали ни за что жителей Сарагосы, за убийство двух послов нужно истребить город.
Типичный американский подход. Типичный российский подход – в положительные качества Роланда вписывают «чувство долга».

Тем не менее, в поэме Роланда характеризуют совсем с иной стороны – он спесив. Причем так говорят о нем не только враги, но и друзья:

Роланд промолвил: "Я отправлюсь в путь".
Граф Оливье в ответ: "Не быть тому.
Надменны вы, ваш нрав не в меру крут.
Вы ссору там затеете, страшусь.

Кто же поедет послом? Ганелон.

Король снимает правую перчатку.
Но скрыться рад бы Ганелон подальше.
Перчатку он берет, роняет наземь.
Все молвят: "Что же будет, о создатель?
Посольство это нам сулит несчастье".
"Увидим", - Ганелон им отвечает.

Ганелон сам не хочет ехать, вместо обсуждения темы, он ссорится с пасынком, с Оливье, но Карл настолько глуп, что всё равно упрямо посылает его посланником.

Глупость короля (королевы и т.п.), умноженная на упрямство – неперемный атрибут, начало логического развития событий от трагедий Эсхила до поэм Шекспира. Что, несомненно, есть отражение тирании и рабовладения, и феодальной эпохи.

В стане врага Ганелон ведет агитацию и пропаганду:

Араб сказал: "Французы благородны,
Лишь те из вас, вельмож французских, злобны,
Кто Карла подстрекает на раздоры,
Зря и его, и весь народ тревожит".
Граф отвечает: "Нет у нас подобных.
Один Роланд себе позора хочет.
Скрывался раз король в тени от зноя.
Его племянник в панцире подходит.
Он только что разграбил Каркасоню.
Румяный яблочек Карлу он подносит.
"Вот так же, государь; - он дяде молвит,-
Я поднесу вам разом все короны".
Укоротить ему пора бы норов.
Он каждый день рискует головою.
Убить его - и прекратятся войны".

Прекращение войн – вполне нравственная идея, хотя и неосуществимая. Эту идею делают безнравственной, вкладывая в уста предателю.

Все нелепые доводы, аргументы, обвинения, сомнения в поэме – на самом деле показывают, что все они – бантик, антураж, основа войны – совершенно иная, основа – нажива.

Далее – расплата.

Промолвил Оливье: "Идут враги.
Я в жизни не видал такой толпы.
Сто тысяч мавров там...

Граф Оливье предлагает Роланду трубить в рог, звать Карла на помощь.

Но Роланд не просто глуп, не просто бахвал, он готов положить тысячи людей только из-за своего благородства и нежелания беспокоить Карла:

«Стоим мы здесь и не пропустим мавров.
Верх мы возьмем, и поле будет нашим».

Автор видит ситуацию по-иному:

«Разумен Оливье, Роланд отважен...»

Затем Роланд и Оливье меняются местами: Роланд хочет трубит в рог, Оливье упирает на благородство.

В поэме француз убивает француза, Роланд убивал фламандцев – теперь они воюют за французов:

В восьмой по счету полк Немон зачислил
Фламандские и фризские дружины.

Это не открытие для русской истории. Но есть моменты несовместимые: в «Песне» постоянно всплывают «истинный барон», «истинный вассал».

Сражение сложилось так, что Карл почти побежден:

Эмир воскликнул: "Карл, совету внемли:

В вине покайся и проси прощенья.

Мой сын тобой убит - то мне известно.

Ты незаконно вторгся в эту землю,

Но коль меня признаешь сюзереном,

Ее получишь в ленное владенье".

"Мне это не пристало,- Карл ответил.-

С неверным я не примирюсь вовеки.

Но другом буду я тебе до смерти,

Коль ты согласен воспринять крещенье

И перейти в святую нашу веру".

Эмир ответил; "Речь твоя нелепа".

И вновь мечи о брони зазвенели.

Казалось бы - тривиальная религиозная война. Но это, как мы видели - всего лишь форма. Однако автор упорно настаивает на вере, Карл побеждает не собственными силами, а с помощью бога.

А дальше – все следствия любви к врагу своему:

Ревнует Карл о вере христианской,

Велит он воду освятить прелатам

И мавров окрестить в купелях наспех,

А если кто на это не согласен,

Тех вешать, жечь и убивать нещадно.

Насильно крещены сто тысяч мавров...

Вешать, жечь и убивать нещадно.

Итак, в истории действует несколько групп завоевателей и освободителей. Сначала завоевателями выступают арабы, франки – защищаются, затем освободительную войну начинают испанцы и португальцы, следом завоевателями становятся французы, наконец, испанцы захватывают Наварру.

Посмотрите, как начинается мотивировка:

Король наш Карл, великий император,

Провоевал семь лет в стране испанской.

Весь этот горный край до моря занял,

Взял приступом все города и замки,

Поверг их стены и разрушил башни,

Не сдали только Сарагосу мавры.

Марсилий-нехристь там царит всевластно,

Чтит Магомета, Аполлона славит,

Но не уйдет он от господней кары.

Дабы придать убийствам и разрушениям благородную форму, врагов в лице одного (!) правителя Марсилия обвиняют сразу в двух противоположных вещах: в античном язычестве и в исламе, который с язычниками же и воевал. Словом, Марсилиий – очень, очень нехороший человек. Словом, Карл – это разносчик демократии. Обобщая – правильной веры.

Но мы видели выше, что зов веры не играет никакой роли, мало того, что баски – не мусульмане, но Карл разрушил христианскую Памплону.

С другой стороны, «мавры», посылая дары Карлу, понимают, что от веры придется отказаться. Но такой вариант лучше, чем допустить гибель массы людей, утратить свободу, «потерять... край испанский милый / Да горе мыкать, как бездомным нищим».

Край милый. То есть, автор «Песни» был в курсе, что воевали не с арабами!

То есть. Это бесконечно важно! Карл – захватчик, жадный, грязный убийца. Но, поскольку он расширил пределы государства, поскольку его убийства – это слава оружия франков, все франки должны им гордиться и ставить ему памятники. И покоренные испанцы, потонувшие в своей кровище, находясь в пределах французского государства, и минные арабы – тоже. Если же марксисты указывают на классовую сущность Карла, мы немедленно заклеим их космополитами. Нельзя переписывать историю!

Апрель 2020